

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-180-189

Адъективные устойчивые сравнения — лексические универсалии

И.А. Мужейко

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Белоруссия, 210038, Витебск, Московский проспект, 33

В статье рассматриваются адъективные устойчивые сравнения ряда славянских, балтийских, германских языков с позиций типологии и лингвистики универсалий с целью выявления общих устойчивых конструкций. Данный подход соответствует современной тенденции исследований фразеологизмов, сложившейся еще в конце прошлого столетия. В настоящее время одной из основных задач лексической типологии выступает изучение плана содержания лексикона. Решению поставленной задачи способствует когнитивный подход, применение которого признано весьма продуктивным для поиска содержательных универсалий, а также для анализа воздействия человеческих знаний на развитие самого языка. Данное исследование охватывает устойчивые сравнения восьми языков, что повышает уровень достоверности выводов о наличии универсалий. При проведении исследования применялись методы сплошной выборки, описательный и сопоставительный методы, методы когнитивного анализа. Основным результатом исследования является доказательство наличия лексических универсалий среди адъективных устойчивых сравнений восьми языков.

Ключевые слова: адъективные устойчивые сравнения, типология, лингвистика универсалий, когнитивная лингвистика

1. Введение

Одним из актуальных направлений в современной лингвистике является изучение фразеологии с позиции теории языковых универсалий. Родоначальником типологического подхода в исследовании фразеологических составов на материале французского и русского языков признан В.Г. Гак [1; 2]; на материале немецкого и русского языков — А.Д. Райхштейн [3]. Научным базисом нашего исследования послужила также типологическая концепция, предложенная В.Д. Аракиным [4].

Интерес к изучению фразеологического фонда с применением типологического подхода, а также к поиску универсального во фразеологии достаточно устойчив. Эта тенденция объясняется тем фактом, что фразеология как один из разделов языкознания переживает преобразование из констатирующей теории в объясняющую. Новому этапу развития науки способствовало осмысление того, что, невзирая на неоспоримость национально-культурной специфики образных единиц языка (включая фразеологизмы), в любом языке фразеологический со-

став представляет собой систему и, как следствие, выявляет ряд общих структурных и семантических закономерностей, а значит, вполне уместно рассматривать его сквозь призму учения о языковых универсалиях.

Синтаксическая конструкция сравнения — признанная универсалия [5], поэтому считаем актуальным предлагаемый анализ структурно-семантических соответствий адъективных устойчивых сравнений русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского и шведского языков с целью выявления универсального и уникального в семантике анализируемых единиц. Очевидно, недостаточное количество типологических исследований, определяющих свойственные фразеологии закономерности, по утверждению Т.Н. Федуленковой, «позволяет абсолютизировать национально-культурную специфику фразеологического состава каждого языка. Но фразеология — это не только зеркало национальной культуры, но и зеркало, отражающее особенности системной организации языка, его строения» [6].

2. Обсуждение

Лингвистическая типология системно изучает спецификаты и универсалии в языке, ставя себе цель исследовать межъязыковое варьирование. Известно, что выявление каких-либо особенностей языка (так называемых языковых уникалий) проводится наравне с изучением языковых универсалий, присущих всем или большинству языков мира, так как любое варьирование невозможно без сходства. В ходе изучения универсалий типология сближается с общим языкознанием, а в ходе изучения уникалий — с частным. Иными словами, типология прокладывает путь от науки о языках к науке о языке вообще.

В современной лингвистике все более настойчиво повторяется требование считать содержание исходным объектом лингвистического описания. При этом приоритет универсального над уникальным в языках проявляется в большей степени в содержательной типологии по сравнению с формальной типологией. В сущности, всякая языковая универсалия является изначально содержательной.

В то же время когнитивный подход в современной лингвистике является наиболее перспективным направлением, интегрирующим усилия многих наук для объяснения механизма получения, переработки и использования знаний в человеческой деятельности. Как отмечает В.А. Маслова, «сейчас уже стало аксиомой, что во всем комплексе наук о человеке сталкиваются, в первую очередь, отношения между языком и другими видами человеческой деятельности. Язык даже в большей степени, чем культура и общество, дает когнитивистам ключ к пониманию человеческого поведения» [7. С. 9]. Лингвист в языковых единицах находит связь с восприятием мира и отражением его познания, так как язык является проводником в невидимый когнитивный мир человека, к структурам сознания. В своей жизнедеятельности люди накапливают сведения о мире в естественном языке, и когнитивная лингвистика призвана объяснить, как в нем продуцируются, понимаются, запоминаются и репродуцируются знания, так как данная наука анализирует исключительно те познавательные процессы, которые характерны для человека как мыслящего индивида: «на первом плане находятся: систем-

ное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов» [8. С. 21].

По мнению Е.С. Кубряковой, «важнейшей стороной связи когнитивной науки с лингвистикой оказывается та часть лингвистики, которая приходилась на исследование семантики, значения языковых форм и выражений. Ведь само значение определяется как когнитивный феномен, а любые данные об этом феномене — как проливающие свет на структуры сознания, их внутреннее устройство. И хотя среди этих структур выделяются как вербальные, так и невербальные, а точнее, имеющие и не имеющие аналогов в вербальных формах естественного языка, полагают, что наиболее существенные из представлений нашего мозга и имеющихся структур сознания — это те, которые уже сформировали значения языковых знаков, те, которые репрезентируют структуры сознания с помощью языковых знаков» [9. С. 37].

З.Д. Попова утверждает, что «когнитивная семантика раскрыла перед исследователями целый мир структур знаний в том виде, как они сформированы в семантическом пространстве языка... Данные когнитивной семантики открыли мир ментальных структур, в которые люди укладывают свои знания» [10. С. 67].

Когнитивный подход, все чаще применяемый в современном языкознании, используется при изучении фразеологической картины мира как «отражения во фразеологической семантике сущностей реального мира» [11. С. 250]. Сравнения способствуют не только познанию внешнего окружения через конкретизацию представлений о предметах и явлениях, но и возникновению нового знания о реалиях. Это обусловлено основной функцией сравнения — когнитивной.

Вопрос о существовании языковых универсалий на сегодняшний день не решен, хотя можно выделить несколько гипотез их происхождения.

Генетическая гипотеза исходит из версии о едином источнике происхождения языков. Однако в данном случае невозможна эмпирическая проверка, которая смогла бы отследить все изменения, произошедшие после расщепления первоначального единого языка.

Ареальная гипотеза исходит из того, что сродство языков образовалось в результате ареальной близости языков и, как следствие, взаимодействия культур, повлекших заимствования, интерференцию, двуязычие. Однако данная гипотеза не объясняет общие закономерности в языках, не имеющих пространственно-временной связи, например, русск. *вертлявый как обезьяна* — чешск. *mrštný jako opice* (вертлявый как обезьяна) — англ. *as agile as a monkey* (верткий как обезьяна); бел. *здараў як рыба* — чешск. *zdravý jako ryba* (здоровый как рыба) — хорв. *zdrav kao riba* (здоровый как рыба) — швед. *frisk som en fisk* (здоровый как рыба).

Функциональная гипотеза базируется на роли языка, призванной осуществлять коммуникацию, т.е. обмен информацией или общение в соответствии с коммуникативными потребностями человека. Полагают, что в отличие от других семиотических систем язык становится функциональной системой благодаря языковым универсалиям. С помощью функционального подхода ученые могут объяснить индуктивные универсалии и предположить их существование в еще эмпирически не исследованных языках. Безусловно, универсалиям должны быть

найлены подтверждения в результате представительной проверки, но формулировка гипотетических универсалий, осуществляемая с помощью функционального подхода, ускоряет это путь.

Когнитивная гипотеза рассматривает различные психические процессы, связанные с получением, хранением и обработкой знаний о мире. Вполне возможно, что наличие уникального и универсального в языках является результатом соотношения между объемом памяти, временем концентрации внимания, временем обращения к памяти и количеством усилий, необходимых для более тонкого кодирования. Согласимся с С.Г. Шафиковым, полагающим, что «когнитивная гипотеза обладает наибольшей объяснительной силой в отношении языковых универсалий, и поэтому именно когнитивная лингвистика может служить общим фоном для поиска и объяснения универсалий» [12. С. 69–70].

Лингвистику универсалий и лингвистическую типологию принято рассматривать как различные по объекту изучения дисциплины. Известно, что под универсалиями понимают межъязыковые сходства, а типология изучает межъязыковые различия. Поскольку эти дисциплины дополняют друг друга, являясь двумя сторонами одного исследовательского процесса, бывает сложно отнести то или иное эмпирическое исследование к чисто универсалистскому или чисто типологическому.

Лингвисты-компаративисты задаются вопросом о количестве языков, необходимым для привлечения к эмпирическим исследованиям, чтобы заявлять о каком-либо явлении как об универсалии. Очевидно, анализ всех языков мира невозможен по ряду причин. Первая заключается в том, что некоторые языки уже исчезли, а другие находятся на грани исчезновения, вторая — в масштабе необходимой работы, так как число языков огромно и требуется тщательное всестороннее их изучение. В связи с этим ученые на практике исследуют максимально возможное количество языков согласно поставленным целям и задачам, причем весомость каждой выявленной универсалии прямо пропорциональна количеству анализируемых языков и прочности связи между универсалией и категорией мышления.

Общеизвестно, что лингвистическая типология наиболее успешно изучает фонологический, морфологический и синтаксический уровни языковой структуры. Лексика, особенно семантика, все еще не является объектом исследования типологии. С одной стороны, полагают, что лексическая типология невозможна из-за аморфного состояния лексики и ее большой зависимости от экстралингвистических факторов. С другой стороны, «именно в плане лексики лежат фундаментальные черты языковой структуры, обуславливающие собой максимально широкую совокупность более частных признаков координат других уровней» [13. С. 125].

Лексическая типология языков должна учитывать как план выражения, так и план содержания, а также системно-структурный характер лексикона. Изучение структурных признаков слов — формального компонента — традиционно считается наиболее важным для лексико-семантической типологии. В то же время, руководствуясь принципом примата содержательной составляющей языка, наи-

более важным необходимо признать изучение компонента, отражающего значение лексических единиц. Если учитывать и план выражения, и план содержания лексических единиц, то создание лексико-семантической типологии языков неизбежно приводит к созданию типологии лексических систем. Такая типология, по мнению С.Г. Шафикова, «должна включать в себя исследования в области определенных подуровней лексического уровня; при этом каждый подуровень образует собственную типологию» [12. С. 53].

Отечественные лингвисты разрабатывают принципы лексико-семантической типологии в трех направлениях: 1) типология лексического значения слова; 2) типология семантических связей внутри слов; 3) типология семантических связей между словами.

В своем исследовании мы придерживаемся первого направления, так как объектом изучения является лексикон, а единицей типологического анализа выступает лексема (адъективные устойчивые сравнения).

Окружающие воспринимают и оценивают прежде всего внешний вид человека, его физическое состояние. Первое качество, попадающее в поле зрения, — физическая сила или слабость. Безусловно, сильный человек более привлекателен, что выражено в количественном составе сравнений и их соответствий в разных языках. Эталоны силы часто выступают животные: медведь (русск. *сильный как медведь* — чешск. *silnýj ako medvěd* — хорв. *jak kao medjed* — швед. *stark somen björn*); буйвол (русск. *сильный как буйвол* — чешск. *silný jako býk* — англ. *as strong as an ox* — швед. *stark somen oxe*); лошадь (русск. *сильная как лошадь* — лат. *stiprs kā zirgs* — англ. *as strong as a horse*); жеребец (русск. *сильный как жеребец* — чешск. *silný jako kůň*); лев (чешск. *silný jako lev* — лат. *stiprs kā lauva*). В чешском и хорватском языках силача сравнивают с дубом (чешск. *silný jako dub* — хорв. *jak kao hrast*), а в чешском и шведском — с мифологическим персонажем Геркулесом (чешск. *silný jako Herkules* — швед. *stark somen Herkules*). В качестве эталона силы выступает герой чешских преданий Бивой (*silný jako Bivoj*), уничтоживший дикого вепря в рукопашной борьбе с ним; у болгар — богатырь без привязки к какому-либо конкретно лицу (*як като боримечката*); у хорватов — королевич Марко — самый популярный герой сербской эпической поэзии (*jak kao kraljević Marko*). Схожесть представлений о силе мы нашли в чешском *silný jako hrom* (букв. сильный как гром) и хорватском *jak kao vjedogonja* (букв. крепкий, сильный как злой дух грозы) языках (гром при грозе всегда заставлял людей испытывать страх, однако в представлении южных славян силой обладает не само явление природы, а его злой дух, что явно восходит к языческим верованиям и косвенно указывает на время возникновения фразеологизма).

В меньшей степени представлена в языках физическая слабость, общими эталонами которой в структурно-семантических соответствиях выступают насекомые (русск. *слабый как комар* — чешск. *slabý jako komár*); растения (русск. *слабый как соломинка* — чешск. *slabý jako třtina* (букв. слабый как тростник)); дети (русск. *слабый как ребенок* — чешск. *bezmozný jako dítě* (букв. бессильный как ребенок)). Безэквивалентные образные основы связаны с животным миром: чешск. *slabý jako toucha* (букв. слабый как муха); болг. *нежен, слаб като гургулово яйце* (букв.

нежный, слабый как яйцо горлицы); с растительным миром: чешск. *slabý jako hnilička* (букв. слабый как перезревшая груша); предметами быта: болг. *здрав като кошница* (букв. здоровый как плетеная корзина) в значении ‘болезненный, хворый’.

Значительное внимание отводится адъективным устойчивым сравнениям, характеризующим подвижность человека. Образцами живости, верткости, быстроты человека становятся в первую очередь животные: русск. *ловкий как кошка* — бел. *спрытны як кот* — чешск. *mrštný jako kočka* (кошка) — хорв. *žustar kao mačka* (кошка) — лат. *veikls kā kaķis* (котенок); бел. *спрытны як лось* — чешск. *hbitý jako jelen* (олень) — хорв. *brz kao srna* (серна) — англ. *as fleet as a deer* (олень); русск. *вертлявый как обезьяна* — чешск. *mrštný jako opice* (обезьяна) — англ. *as agile as a monkey* (обезьяна); русск. *увертливый как ящерица* — чешск. *hbitý jako ještěrka* (ящерица); бел. *спрытны як вавёрка* (белка) — чешск. *čiperný jako veverka* (белка); бел. *спрытны як заяц* — хорв. *brz kao zec* (заяц); чешск. *rychlý jako chrt* (борзая) — хорв. *brz kao pas* (собака); чешск. *hbitý jako lasička* (ласка) — швед. *flink som en vessla* (ласка); некоторые виды рыб: русск. *верткий как вьюн* — бел. *вёртки як уюн* (вьюн) — чешск. *mrštný jako rybička* (колюшка); русск. *увертливый как налим* — бел. *спрытны як яльчык* (елец) — чешск. *čilý jako mník* (налим); русск. *гибкий как угорь* — чешск. *mrštný jako úhoř* (угорь); явления природы: бел. *шпаркі як маланка* (молния) — чешск. *rychlý jako blesk* (молния) — хорв. *brz kao munja* (молния) — англ. *as quick as lightning* (молния) — швед. *snabb som brixten* (молния); чешск. *rychlý jako vítr* (ветер) — хорв. *brz kao vjetar* (ветер) — англ. *as swift as the wind* (ветер); артефакт: чешск. *rychlý jako střela* (стрела) — болг. *бърз като стрела* (стрела) — хорв. *brz kao strijela* (стрела) — англ. *as swift as an arrow* (стрела) — швед. *snabb som en pil* (стрела); вымышленное существо: русск. *ловкий как бес* — бел. *спрытны як чорт* (черт); процесс мышления: хорв. *brz kao misao* (мысль) — англ. *as quick as thought* (мысль); предмет неживой природы: русск. *живой как ртуть* — чешск. *živý jako rtuť* (ртуть) — болг. *пръгав като живак* (ртуть) — лат. *kustgīs kā dzīvsudrabs* (ртуть); русск. *подвижный как ртуть* — чешск. *čilý jako rtuť* (ртуть) — болг. *подвижен като живак* (ртуть). Ртуть была известна еще в Древнем Египте, Индии, Месопотамии и Китае; в древнерусской литературе это слово встречается только в XII в. Древние греки именовали ртуть жидким серебром, а ее свойство нашло отражение в названии металла у болгар — *живак*. Сеем предположить, что первоначально устойчивые сравнения с эталоном *ртуть* появились в научной среде.

Отношение к малоподвижности в меньшей степени отображено в структурно-семантических соответствиях адъективных устойчивых сравнениях восьми языков: русск. *неповоротливый как медведь* — бел. *непаваротлівы як мядзведзь*; русск. *неподвижный как статуя* — англ. *as motionless as a statue* (неподвижный как статуя). Главным образом это связано с небольшим количеством фразеологических единиц, описывающих медлительность во многих языках, кроме русского и белорусского, например: *неловкие и нерасторопные как корова, слон, тюлень, камень, каменный* в русском языке; *мень* (менёк), *мядзведзь за вараб’ем* (медведь за воробьем), *торба на круку* (сумка на крюке), *вол да карэты* (вол к карете), *Изыдар да пажару з венікам* (Исидор на пожар с веником) в белорусском; *motovidlo* (мото-

вилы) в чешском; *rak* (рак) в хорватском; *sāls stabs* (соляной столб) в латышском; *tortoise* (черепаха), *molasses in winter* (черная патока зимой) в английском. Приведенные конструкции отражают медлительность, проявляющуюся в той или иной степени.

Немногочисленны адъективные устойчивые сочетания, характеризующие человека с плохим зрением, плохим слухом: русск. *слепой как крот* — чешск. *slepý jako krtek* (крот) — англ. *as blind as a mole* (крот); чешск. *slepý jako netopýr* (летучая мышь) — англ. *as blind as a bat* (летучая мышь); русск. *глухой как пень* — бел. *глухі як пень* — чешск. *hluchý jako perez* (глухой как пень); бел. *глухі як палена* (букв. глухой как полено) — чешск. *hluchý jako poleno* (глухой как полено); бел. *глухі як калода* (глухой как колода); чешск. *hluchý jako dřevo* (глухой как дерево); хорв. *Gluh kao zemlja* (глухой как земля); англ. *as deaf as a stone* (глухой как камень); *as deaf as a post* (глухой как столб); русск. *глухой как тетерев* — бел. *глухі як цецярук* — чешск. *hluchý jako tetřev* — лат. *kurs kā mednis riestā* (тетерев на току), *рыба* (хорв. *gluh kao riba*), *гадюка* (англ. *deaf as an adder*).

3. Выводы

На примере адъективных устойчивых сравнений, описывающих физическое состояние человека, мы можем сделать вывод о том, что во всех представленных языках имеются схожие или тождественные характеристики одних и тех же состояний человека — лексические универсалии. Это свидетельствует об общности представлений о мире вокруг и о себе в этом мире людей — носителей исследуемых языков. В ходе наблюдения мы выяснили, что в каждом анализируемом языке адъективные устойчивые сравнения называют представителей флоры и фауны, артефакты, людей, явления природы, абстрактные понятия.

Список литературы

1. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение, 1976.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977.
3. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980.
4. Аракин В.Д. Типология объектных словосочетаний в скандинавских языках. Типология германских литературных языков. М.: Наука, 1976. 252 с.
5. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков. Минск: Амалфея, 2000.
6. Федулёнок Т.Н., Адамия З.К., Чабашвили М. Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте. М.: Академия естествознания, 2014. URL: <https://monographies.ru/en/book/view?id=248> (дата обращения: 29.10.2018).
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Мн.: ТетраСистемс, 2004.
8. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17—34.

9. *Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–48.
10. *Попова З.Д.* Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 1996. № 2. С. 64–68.
11. *Немец Г.П.* Семантика метаязыковых субстанций. Москва—Краснодар: Академия педагогических и социальных наук; КубГУ, 1999.
12. *Шафигов С.Г.* Лексическая типология языков. Уфа: РИО БашГУ, 2005.
13. *Климов Г.А.* Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976.

© Мужейко И.А., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.12.2018

Дата принятия к печати: 29.03.2019

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Мужейко И.А. Адъективные устойчивые сравнения — лексические универсалии // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 180–189. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-180-189

Сведения об авторе:

Мужейко Ирина Анатольевна — старший преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. E-mail: ira_ur@tut.by

Adjective Similes as Lexical Universals

I.A. Muzheika

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
Moskovsky prospect, 33, Vitebsk, 210038, Belarus

The article deals with adjective similes of some Slavonic, Baltic and German languages from the position of typology and linguistics of universals and is aimed at revealing common fixed expressions. This approach corresponds to modern tendency in phraseological researches being set at the end of the last century. Nowadays one of the main tasks of lexical typology is to study the plan of expression rather than the plan of content. The cognitive approach appears to be helpful in achieving this task as its application in typology is recognized as rather productive way of searching for content universals

and for the analysis of human knowledge that effects the development of language itself. Our research covers similes of eight languages and this fact verifies conclusions about universals existence. Continuous sampling, descriptive, comparative and cognitive analysis methods are applied in the study. The main results of the study lie in the proof of lexical universals existence among adjective similes of eight languages.

Key words: adjective stable comparisons, typology, universal linguistics, cognitive linguistics

References

1. Gak, V.G. 1976. Sravnitel'naya tipologiya francuzskogo i russkogo yazykov [Comparative Typology of the French and Russian Languages]. Leningrad: Prosveshheniye publ. Print. (in Russ.)
2. Gak, V.G. 1977. Sopostavitel'naya leksikologiya (na material russkogo i francuzskogo yazykov) [Comparative Lexicology (on the material of the Russian and French Languages)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. Print. (in Russ.)
3. Rajshstein, A.D. 1980. Sopostavitel'nyj analiz nemeckoj i russkoj frazeologii [Comparative Analyses of German and Russian Phraseology]. Moscow: Vysshaja Shkola publ. Print. (in Russ.)
4. Arakin, V.D. 1976. "Tipologiya ob'ektnyh slovosochetanj v skandinavskih yazykah" [Typology of Object Phrases in Scandinavian Languages]. In Tipologiyagermanskikh literaturnyh yazykov [Typology of German Literary Languages], edited by V.N. Yarceva. 156—172. Moscow: Nauka publ. Print. (in Russ.)
5. Mechkovskaya, N.B. 2000. Obsheye yazykoznanije: strukturnaja i social'naya tipologiya yazykov [General Linguistics: Structural and Social Typology of Languages]. Minsk: Amalfeyapubl. Print. (in Russ.)
6. Fedulenkova, T.N., Z.K. Adamiya, Chamashvili, M. 2014. Frazelogicheskoye prostranstvo nacional'nogo slovary v sopostavitel'nom aspekte [Phraseological Space of National Dictionary in Comparative Aspect]. Moscow: Academiya yestestvoznaniya publ. Web. <https://monographies.ru/en/book/view?id=248>
7. Maslova, V.A. 2004. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistic]. Minsk: Tetra Systems publ. Print. (in Russ.)
8. Demjankova, V.Z. 1994. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyusshego podhoda [Cognitive Linguistic as a Kind of the Interpretive Approach]. Voprosy yazykoznanija. 4: 17—34. Print. (in Russ.)
9. Kubryakova, E.S. 1994. Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika — psihologiya — kognitivnaja nauka [The First Stage of the Formation of Cognitivism: Linguistics — Psychology — Cognitive Science]. Voprosy Yazykoznanija. 4: 34—48. Print. (in Russ.)
10. Popova, Z.D. 1996. Semanticheskoye prostranstvo yazyka kak kategoriyakognitivnoj lingvistiki [Semantic Space of Language as Cognitive Linguistics Category]. Vestnik VSU. Seriya 1: Gumanitarnye nauki. 2: 64—68.
11. Nemes, G.P. 1999. Semantika metazykovykh substancij [Semantics of Metalanguage Substances]. Moscow—Krasnodar: Academiya pedagogicheskikh i social'nyh nauk, KubGU publ. Print. (in Russ.)
12. Shafikov, S.G. 2005. Leksicheskaya tipologiya yazykov [Lexical Typology of Languages]. Ufa: RIO BashGU publ. Print. (in Russ.)
13. Klimov, G.A. 1976. Principy opisaniya yazykov mira [The World Languages Description Principles]. Moscow: Nauka publ. Print. (in Russ.)

Article history:

Received: 27.12.2018

Accepted: 29.03.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Muzheika I.A. 2019. “Adjective Similes as Lexical Universals”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (2), 180–189. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-180-189

Bio Note:

Irina A. Muzheika is a Senior Lecturer of the Department of World Languages, Vitebsk State University named after P.M. Masherov. E-mail: ira_ur@tut.by